

© 2021 г. **Россинский Сергей Борисович**,

главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии
Института государства и права Российской академии наук доктор юридических наук, доцент.
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

ПРИВЛЕЧЕНИЕ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО: «РЕПЕРНАЯ ТОЧКА» УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ИЛИ ИТОГ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ?

В статье проанализированы перспективы развития процессуального механизма выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии, подлежащей разрешению по существу в ходе судебного разбирательства.

Посредством раскрытия подлинных исторических причин, способствующих укоренению в российском уголовном процессе действующего в настоящее время порядка привлечения в качестве обвиняемого, доказана сомнительность и ненадежность аргументов, высказываемых учеными в поддержку упразднения или существенного реформирования данной процедуры. Одновременно сделан вывод о возможности окончательного разрешения поднимаемых в статье вопросов в контексте четкого понимания общей концепции дальнейшего совершенствования всей системы российского досудебного производства.

Ключевые слова: досудебное производство, обвинение, предварительное следствие, привлечение в качестве обвиняемого, уголовное преследование, уголовно-правовая претензия

Rossinskiy Sergey Borisovich – the Chief Researcher of the Criminal Law Sector, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Associate Professor.

INVOLVEMENT AS AN ACCUSED: NODAL ACT OF THE CRIMINAL PROSECUTION OR RESULT OF PRELIMINARY INVESTIGATION

The article analyzes the prospects for the development of a procedural mechanism for bringing forward a criminal claim against a person, subject to resolution on the merits in the course of the trial.

By revealing the true historical reasons contributing to the rooting of the current procedure for bringing in as an accused in the Russian criminal process, the doubtfulness and unreliability of the arguments expressed by scientists in support of the abolition or significant reform of this procedure, has been proved. At the same time it was concluded that it is possible to finally resolve the issues raised in the article only in the context of a clear understanding of the general concept of further improving the entire system of Russian pre-trial proceedings.

Keywords: pre-trial proceedings, accusation, preliminary investigation, involvement as an accused, criminal prosecution, criminal law claim.

В последние годы одним из актуальных и достаточно обсуждаемых вопросов, возникающих в связи с объективной потребностью в выборе какого-то принципиально нового пути дальнейшей эволюции российской уголовной юстиции, является вопрос о перспективах развития процессуального механизма выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии, подлежащей разрешению по существу в ходе судебного разбирательства. В частности, среди ученых, практических работников и других специалистов не прекращаются споры о сохранении, существенном реформировании либо ликвидации уже ставшего традиционным для национальной системы досудебного производства порядка привлече-

ния человека в качестве обвиняемого в том виде, в котором он предусмотрен действующим уголовно-процессуальным законом, т. е. сводится к находящейся в ведении следователя автономной юрисдикционной процедуре, состоящей в вынесении соответствующего постановления, предъявлении обвинения и допросе обвиняемого (гл. 23 УПК РФ).

Сторонники полной ликвидации данной процедуры либо ее существенного реформирования, в первую очередь, передачи соответствующих полномочий из компетенции органов предварительного следствия в компетенцию прокуратуры, достаточно часто мотивируют свою точку зрения процессуально-функциональной однородностью выдвижения

позиции государственного обвинения и его последующего поддержания в судебном заседании – кто формулирует уголовно-правовую претензию, тот и доказывает ее состоятельность в суде*. Так, например, Н.Н. Ковтун на основании целого ряда доводов приходит к выводу, что реальное привлечение человека к уголовной ответственности (к материальной обязанности держать ответ за совершенное преступление) происходит в момент утверждения прокурором обвинительного заключения. В этой связи ученый предлагает, исключив привлечение в качестве обвиняемого из содержания предварительного следствия, возвести эту процедуру в ранг самостоятельной и полноценной (как бы прокурорской) стадии российского уголовного процесса [5, с. 134–135]. К.А. Наумов считает, что предусмотренная действующим УПК РФ следственная процедура привлечения в качестве обвиняемого подлежит безусловному упразднению, как не отвечающая поддерживаемой автором концепции построения досудебного производства, предполагающей нахождение всех процессуальных полномочий, связанных с реализацией функции обвинения, в исключительном ведении прокурора. Он подчеркивает, что именно прокурору надлежит, изучив собранные в ходе предварительного расследования доказательства, лично формулировать обвинение и составлять соответствующий обвинительный акт [7, с. 137]. Схожие взгляды можно встретить и в других современных публикациях.

Согласиться с подобным подходом весьма сложно. Автора настоящей статьи, как человека уже не первый год выступающего против резких и поспешных правотворческих шагов, ратующего за разумный консерватизм уголовно-процессуального права, за максимально возможное сохранение исторически сложившихся и во многом соответствующих менталитету российского общества традиций уголовного судопроизводства, достаточно трудно убедить в своевременности и целесо-

образности изменения существующего в настоящее время следственного порядка привлечения в качестве обвиняемого.

Указанные предложения вообще обусловлены распространенной среди известной части юридической общественности политико-конъюнктурной модой на слепое заимствование «положительного» зарубежного опыта и продиктованы стремлением максимально подстроить порядок выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии под «прогрессивные» западные стандарты, в частности под «немецкий» вариант романо-германской модели досудебного производства**. К слову, именно по такому пути и пошли многие государства, возникшие на постсоветском пространстве (Грузия, Украина, Казахстан, Прибалтийские республики и т. д.), которые из всех стараются продемонстрировать свою приверженность к европейским ценностям.

Между тем автор вовсе не является бескомпромиссным и упрямым рутинером, не желающим принимать ничего нового, апологетом сохранения существующих правовых механизмов. Вполне возможно, что подобные реформы уже давно назрели или ввиду дальнейшего развития правовой доктрины, судебных и правоохранительных органов, а также правоприменительной практики назреют в самом ближайшем будущем.

Однако в настоящее время высказываемые в их поддержку аргументы представляются неубедительными, не позволяющими обосновать целесообразность отказа от существующего следственного порядка привлечения в качестве обвиняемого. В частности, идея о передаче указанных полномочий в ведение прокуратуры ввиду процессуально-функциональной однородности выдвижения позиции государственного обвинения и его последующего поддержания в судебном заседании плохо совместима с заложенной в содержание УПК РФ и пока еще никем не отмененной общей концепцией построения национальной модели предварительного следствия,

* Справедливости ради, все же стоит обратить внимание, что в поддержку данной позиции в современных публикациях приводятся и другие аргументы [1, с. 8; 2, с. 10, 3, с. 12–15 и др.].

** Под «немецким» вариантом романо-германской модели досудебного производства автор настоящей Статьи условно понимает концепцию построения досудебного производства в ряде европейских государств (Германии, Австрии, Италии, Польше, Швейцарии и др.), предполагающую осуществление предварительного расследования правоохранительными органами полицейского типа (полицией), либо под прямым руководством прокурора, являющегося «хозяином процесса» (Herr des Ermittlungsverfahren), либо в условиях сильной зависимости от его надзорных полномочий [9, с. 23–24].

а именно с еще присущей этой форме расследования юрисдикционной (судебно-следственной) природой, подразумевающей устремленность следователя не столько к самому обвинению, сколько к обеспечению возможности формирования обвинительного тезиса [8, с. 33]. Другими словами, ошибочность указанного подхода обусловлена попытками обоснования целесообразности ликвидации института привлечения в качестве обвиняемого лишь некой архаичностью, отсталостью, «несовременностью» указанного механизма, его несоответствием «передовым» западным стандартам, т. е. желанием разрешить данный вопрос в отрыве от других взаимосвязанных с ним положений уголовно-процессуального права, определяющих условия и порядок проведения предварительного следствия.

Любые обсуждения подобных реформ могут начинаться лишь после выявления, уразумения и надлежащей оценки глубинных причин, предопределивших появление в российском уголовном судопроизводстве существующего порядка выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии. Тем более, такие глубинные причины существуют, а их возникновение напрямую связано с особенностями формирования и многолетнего развития советской уголовной юстиции и советского уголовно-процессуального права. В публикациях автора данной статьи неоднократно отмечалось, что унаследовавшая советские подходы современная российская система досудебного производства (кстати, как и аналогичные системы, используемые в других постсоветских государствах) представляет собой достаточно необычный и интересный феномен – предполагает вызванное целым рядом факторов переплетение элементов, характерных для разных моделей и вариантов уголовно-процессуальной деятельности [9, с. 43].

Российскому предварительному расследованию остаются присущи многие элементы «французского» варианта романо-германской модели*. Наиболее наглядно они проявляются именно в части предварительного следствия, которое, несмотря на особый путь развития, невзирая на множество «изобретений», постепенно вводимых в сферу уголовно-процессуального регулирования, начиная с 1917 г., еще сохраняет свои «наполеоновские» корни, свою юрисдикционную (судебно-следственную) природу**. В отличие от другой предусмотренной УПК РФ формы расследования – дознания, предварительному следствию свойственно более глубокое погружение в обстоятельства дела, обеспечивающее подлинную возможность их полного, всестороннего и объективного исследования в лучших традициях отечественной уголовной юстиции.

Поэтому законодатель и позволяет обвиняемому еще до направления уголовного дела в суд возражать против предъявленного обвинения, давать показания по предъявленному обвинению, заявлять ходатайства о проведении иных процессуальных действий, направленных на опровержение предъявленного обвинения и т. д. Обеспечению этих прав и служит автономная процедура привлечения в качестве обвиняемого. Она позволяет следователю заблаговременно ознакомить лицо с содержанием выдвинутой в отношении него уголовно-правовой претензии и окончательно решить вопрос о дальнейшей юридической перспективе уголовного дела с учетом позиции обвиняемого (его защитника) и сообщенных им сведений по существу указанной претензии, а в случае возникновения потребности в изменении, дополнении обвинения либо частичном прекращении уголовного преследования (как пишет В.Ю. Стельмах, при осознании следователем «слабых мест»

---

* Под «французским» вариантом романо-германской модели досудебного производства автор настоящей Статьи условно понимает концепцию построения досудебного производства в ряде европейских государств (Франции, Испании, Бельгии, Греции и др.), основанную на «классических» идеях континентального уголовного процесса, возникших на рубеже XVIII–XIX вв. и впервые получивших нормативное закрепление в так называемом «Наполеоновском» кодексе – Кодексе уголовного следствия Французской империи 1808 г. (*Code d'instruction criminelle del'Empire Français*). «Французский» вариант предполагает дифференциацию непроцессуального полицейского дознания и предварительного расследования, находящегося в ведении представителей судебной власти (судебных следователей, следственных судей и т. п.), обладающих юрисдикционными полномочиями [9, с. 23].

** Впервые возникнув во время известной судебной реформы Александра II, российская система досудебного производства в современном понимании этого феномена изначально имела достаточно высокую степень преемственности именно по отношению к «французскому» варианту романо-германской модели и заключалась в деятельности судебных следователей при содействии полиции, при наблюдении прокуроров и их товарищей (ст. 249 Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г.).

обвинения [11, с. 59]) – воспользоваться полномочиями, предусмотренными ст. 175 УПК РФ. И именно поэтому установленный гл. 23 УПК РФ механизм привлечения в качестве обвиняемого присущ только предварительному следствию, предполагающему усложненную, двухэтапную технологию «подведения итогов» досудебного производства, состоящую из:

1) выдвижения обвинительного тезиса посредством специального постановления о привлечении в качестве обвиняемого;

2) последующего надлежащего обоснования и подтверждения (своего рода «засиливания») данного тезиса в обвинительном заключении.

Тогда как дознание, напротив, несмотря на постепенную процессуализацию, на все большее и большее сближение с предвратным следствием, все-таки в чем-то еще сохраняет свою «полицейскую» природу*, поэтому подразумевает сугубо «полицейский» подход к досудебному производству: быстро и оперативно выявить преступление, обнаружить и зафиксировать его следы, задержать подозреваемого, получить изобличающие его сведения и направить дело в суд. Подобный подход не нуждается в автономизации процедуры привлечения в качестве обвиняемого, поскольку не требует подробного исследования всех обстоятельств уголовного дела, в частности получения показаний от лица по поводу выдвинутого в отношении него «полицейского обвинения» (подозрения), пересмотра обвинительного тезиса с учетом данных показаний и т. д. Поэтому для дознания предусмотрен более простой, одноэтапный механизм выдвижения уголовно-правовой претензии – вынесение в отношении подозреваемого обвинительного акта либо обвинительного постановления (ст. 225, 226.7 УПК РФ), как бы сочетающих, синтезирующих элементы и постановления о привлечении в качестве обвиняемого, и обвинительного заключения (исключение – ч. 3 ст. 224 УПК РФ).

Конечно, совершенно невидимое и вызванное сугубо политико-конъюнктурными мотивами введение в российский уголовный

процесс чуждого национальным традициям принципа состязательности в его англо-саксонском варианте (ст. 15 УПК РФ) сильно поколебало функциональную направленность следователя, во многом превратив его из «расследователя» в «преследователя», в «досудебного обвинителя», стремящегося лишь к изобличению человека в совершении преступления. Причем этот законодательный шаг оказался настолько деструктивным, привел к настолько негативной правоприменительной практике (к резкому усилению обвинительного уклона), что в свое время даже потребовал вмешательства Конституционного Суда РФ, попытавшегося несколько сгладить допущенный перегиб (постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П).

Вместе с тем принцип состязательности, к счастью, так и не позволил полностью сломать многолетние обычаи российского досудебного производства, лишив следственные органы исконно свойственной им процессуальной функции предварительного расследования. В одной из своих последних работ С.А. Шейфер совершенно справедливо обратил внимание, что следователь, несмотря ни на что, остается представителем следственной (судебно-следственной) власти, не совпадающей с властью обвинительной [12, с. 131]. В 2007 г. государство решилось на кардинальную реформу досудебного производства, позволившую некоторым образом разграничить полномочия органов предварительного следствия и прокуратуры (Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» от 05.06.2007 № 87-ФЗ).

Привлечение в качестве обвиняемого как один из типичных элементов реализации следственной власти не имеет сугубо обвинительной направленности. Эта процедура обладает юрисдикционным характером, предполагающим комплексное решение целого ряда как уголовно-правовых, так и уголовно-процессуальных задач [4, с. 6]. Она сводится не только к вынесению постановления,

---

* Как известно, в дореволюционный период под дознанием понималась непроцессуальная деятельность полиции, направленная на раскрытие преступлений, на установление и розыск потенциальных обвиняемых и осуществление иных подобных познавательных и обеспечительных мероприятий, в настоящее время относящихся к содержанию оперативно-розыскной и административной деятельности правоохранительных органов (отд. 2 гл. 1 разд. 2 Устава уголовного судопроизводства Российской империи). Однако революционные события 1917 г. и последующие за ними реформы правоохранительной системы обусловили постепенное превращение дознания в одну из форм предварительного расследования, в некую процессуальную альтернативу предварительному следствию.

а включает и ряд последующих процессуальных действий (ознакомление обвиняемого и его защитника с существом обвинения, разъяснение обвиняемому его прав, допрос обвиняемого и др.), которые уж точно не могут быть расценены как приемы, проводимые в целях осуществления уголовного преследования.

Но даже само по себе постановление о привлечении в качестве обвиняемого отражает не только существо сформулированной по результатам предварительного следствия и выдвинутой в отношении конкретного лица уголовно-правовой-претензии («уголовного иска»), оно содержит и другие реквизиты, имеющие не обвинительную, а исключительно правоприменительную направленность. Так, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого дается предварительная юридическая оценка (уголовно-правовая квалификация) содеянного, влияющая на дальнейшее развитие уголовно-процессуальных правоотношений (на подсудность уголовного дела, возможность применения особого порядка судебного разбирательства либо назначения судебного штрафа, возможность рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей и т. д.). Кроме того, посредством издания данного государственно-властного распорядительного акта лицо переводится в новое юридическое состояние – в процессуальный статус обвиняемого, после чего у него появляются дополнительные правовые возможности (п. 5 ч. 2 ст. 171 УПК РФ).

Таким образом, привлечение в качестве обвиняемого нельзя расценивать только в контексте уголовного преследования, т. е. как одну из «реперных точек» осуществления уголовно-процессуальной функции обвинения. Подобной точкой скорее является утверждаемое прокурором обвинительное заключение – завершающий акт предварительного следствия и одновременно повод для возбуждения производства в суде первой инстанции, т. е. документ, посредством которого представитель обвинительной власти (прокурор) впервые сообщает суду о своем намерении добиваться признания лица виновным в совершении инкриминируемого ему деяния*. Тогда как при-

влечение в качестве обвиняемого – это более сложный, имеющий комплексное межотраслевое правовое предназначение юрисдикционный механизм, посредством которого подводится определенный итог всей предшествующей работе органов предварительного следствия. А постановление о привлечении в качестве обвиняемого в определенной степени уподобляется обвинительному приговору суда как основному правоприменительному акту юрисдикционного характера (акту правосудия) по уголовному делу, тоже предполагающему правовую оценку (уголовно-правовую квалификацию) инкриминированного преступления, перевод подсудимого в несколько иное юридическое состояние, а также возникновение, изменение либо прекращение других правоотношений.

В завершение хочется еще раз обратить внимание, что автор настоящей Статьи вовсе не ратует за безусловное сохранение института привлечения в качестве обвиняемого, по крайней мере, в том виде, в котором он предусмотрен действующим уголовно-процессуальным законом. Не исключено, что в дальнейшем (возможно, даже в весьма обозримом будущем) ввиду ряда тенденций, направленных на усиление процессуальной экономии, на удешевление уголовного процесса, на оптимизацию уголовной юстиции и т. п., Российской Федерации все же придется окончательно отказаться от сохранившихся до настоящего времени (к слову, достаточно сложных, «тяжелых» и затратных) элементов «французского» (следственного) варианта романо-германской модели досудебного производства и по примеру Германии, Австрии и других европейских стран полностью перестроить систему предварительного расследования по «немецкому» (прокурорско-полицейскому) образцу, лишаящему процедуру привлечения в качестве обвиняемого какого-либо смысла. При таком развитии событий останется лишь поддержать подобные правотворческие шаги, ну а если повезет – даже принять посильное участие в подготовке соответствующих законопроектов.

---

* Кстати, в этой связи заслуживает внимания точка зрения Ю.В. Деришева, который, досконально изучив «французский» вариант романо-германской модели досудебного производства и прогнозируя перспективы реставрации дореволюционного института судебных следователей в России, моделирует процедуру, состоящую в более четком разграничении следственных и прокурорских полномочий в части привлечения в качестве обвиняемого. Следовательно, по мнению автора, надлежит, не вынося специальное постановление, формировать обвинительный тезис путем системы процедурных действий, а прокурору – окончательно закреплять этот тезис в собственном уголовно-процессуальном акте – обвинительном заключении [3, с. 267].

Но в любом случае ясно одно – поднятые в настоящей Статье проблемы могут быть окончательно разрешены лишь посредством четкого понимания учеными и законодателем перспектив дальнейшего развития всей системы уголовной юстиции в духе, соответствующем интересам российского общества и государства. И вообще любые реформы уголовного судопроизводства, в частности, механизмов выдвижения в отношении лица в отношении лица уголовно-правовой претен-

зии, должны иметь не сугубо законотворческий, а комплексный характер. И начинать их нужно не с внесения новой (какой по счету?) порции изменений и дополнений в УПК РФ, а с пересмотра государственной идеологии в отношении профессии следователя с повышения уровня его профессионализма, правосознания, правопонимания, ответственности, т. е. личностных качеств, столь необходимых для выполнения задач, стоящих перед уголовной юстицией [10, с. 95–96, 100].

Литература

1. Гаврилов Б.Я. Современные проблемы досудебного производства и меры по их разрешению // Российский следователь. 2013. № 21.
2. Гаврилов Б.Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6.
3. Деришев Ю.В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения. Омск, 2005.
4. Ефремова Н.П., Кальницкий В.В. Привлечение в качестве обвиняемого: учебно-практическое пособие. Омск, 2007.
5. Ковтун Н.Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9.
6. Колбеева М.Ю. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства. М., 2013.
7. Наумов К.А. Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России. Омск, 2021.
8. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: свежий взгляд на старые проблемы // Юридическое образование и наука. 2020. № 8.
9. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021.
10. Россинский С.Б. Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10.
11. Стельмах В.Ю. Некоторые проблемы нормативной регламентации дознания // Российская юстиция. 2019. № 4.
12. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013.

Bibliography

1. Gavrilov B.Ya. Modern problems of pre-trial proceedings and measures to resolve them // A Russian investigator. 2013. № 21.
2. Gavrilov B.Ya. XX years of the Russian criminal procedure law: does it correspond to the scientific views and requirements of the law enforcement officer // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2021. № 6.
3. Derishev Yu.V. Criminal pre-trial proceedings: the concept of procedural and functional legal construction. Omsk, 2005.
4. Efremova N.P., Kalnitsky V.V. Involvement as an accused: an educational and practical guide. Omsk, 2007.
5. Kovtun N.N. Formation of public prosecution as an independent stage of criminal proceedings in Russia // Journal of Russian Law. 2019. № 9.
6. Kolbееva M.Yu. Institute of attracting a person as an accused in the conditions of reforming criminal procedural legislation. M., 2013.
7. Naumov K.A. The essence and construction of pre-trial proceedings in the criminal process of Russia. Omsk, 2021.
8. Rossinsky S.B. Pre-trial proceedings in a criminal case: a fresh look at old problems // Legal education and science. 2020. № 8.
9. Rossinsky S.B. Pre-trial proceedings in a criminal case: the essence and methods of collecting evidence. M., 2021.
10. Rossinsky S.B. What should a Russian investigator be? (to the 25th anniversary of the Concept of judicial reform of the RSFSR) // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2016. № 10.
11. Stelmakh V.Yu. Some problems of regulatory regulation of inquiry // Russian justice. 2019. № 4.
12. Shafer S.A. Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of investigative, judicial and prosecutorial power. M., 2013.